

© 2026. Н. Л. Ермолаева
независимый исследователь
г. Иваново, Россия

**Роман И. А. Гончарова «Обрыв»
и пьеса А. Н. Островского
«Правда — хорошо, а счастье лучше»**

Аннотация: Основываясь на убеждении о родственности художественного мышления И. А. Гончарова и А. Н. Островского, автор статьи осуществляет сближение произведений эпического и драматического жанра: комедия «Правда — хорошо, а счастье лучше» рассматривается как своеобразное переложение эпического романа «Обрыв». В статье анализируются переключки между этими произведениями на уровне характеров и сюжетных ситуаций. Учитывается зависимость построения образов и коллизий от индивидуальности автора, жанровых различий романа и комедии. В результате анализа делаются выводы о том, что Гончарова и Островского объединяет глубоко национальная приверженность правде-справедливости, предпочтение сердца в человеке разуму. Персонажей романа и комедии отличает своеобразное «геройство», на которое в отношении к людям 1860–1870-х гг. указывал Ф. М. Достоевский. Появление отдельных элементов, характерных для художественного мира романа Гончарова, в комедии Островского показывает родственность и различия в нравственной позиции двух русских писателей, в понимании ими прошлого и будущего России.

Ключевые слова: культурная традиция, герои, геройство, молодое поколение, любовные ситуации, сердце, разум, правда, справедливость, образ будущего

Информация об авторе: Нина Леонидовна Ермолаева, доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь, Иваново, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 19.11.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 21.03.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Ермолаева Н. Л. Роман И. А. Гончарова «Обрыв» и пьеса А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 258–283.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-258-283>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 258–283. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 258–283. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. **Nina L. Ermolaeva**

Independent Researcher

Ivanovo, Russia

**The Novel “The Precipice” by I. A. Goncharov
and the Play “Truth is Good, but Happiness is Better”
by A. N. Ostrovsky**

Abstract: Based on the premise of the affinity of the artistic thinking of I. A. Goncharov and A. N. Ostrovsky, the author of this article draws a parallel between works of the epic and dramatic genres: the comedy “Truth is Good, but Happiness is Better” is viewed as a peculiar adaptation of the epic novel “The Precipice”. The article analyzes the similarities between these works at the level of characters and plot situations. The dependence of characters and conflicts construction on the author’s individuality and on the genre differences between the novel and the comedy is considered. The analysis concludes that Goncharov and Ostrovsky share a deeply national commitment to truth and justice, as well as a preference for the heart over reason within the human being. The characters of the novel and the comedy are distinguished by a distinctive “heroism,” which F. M. Dostoevsky noted in his views on people in the 1860s and 1870s. The presence in Ostrovsky’s comedy of certain elements characteristic of Goncharov’s fictional world demonstrates the kinship and differences in the moral position of the two Russian writers, in their understanding of the past and future of Russia.

Keywords: cultural tradition, heroes, heroism, young generation, love plots, heart, reason, truth, justice, vision of the future

Information about the author: Nina L. Ermolaeva, DSc in Philology, Associate Professor, Independent Researcher, Ivanovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6759-3590>

E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru

Received: November 19, 2025

Approved after reviewing: March 21, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Ermolaeva, N. L. “The Novel ‘The Precipice’ by I. A. Goncharov and the Play ‘Truth is Good, but Happiness is Better’ by A. N. Ostrovsky.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 258–283. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-258-283>

Островский причастен к соревновательным отношениям в резонансном пространстве литературы, о чем немало написано. Типологические соответствия, разные варианты обработки чужих сюжетов и мотивов, перенос драматургических типажей, построение комических ситуаций и другие виды взаимодействия в пьесах драматурга с произведениями предшественников и современников показаны в работах разных исследователей, среди которых А. Л. Гришунин [Гришунин], С. А. Фомичев [Фомичев], В. П. Мещеряков [Мещеряков], Ю. В. Лебедев [Лебедев 2010: 220–226], О. Н. Купцова [Купцова 2003, 2004, 2010, 2012], М. А. Миловзорова [Миловзорова] и др. Комедия «Правда — хорошо, а счастье лучше» позволяет говорить о том, что этой пьесой драматург вступил в диалог с романом Гончарова «Обрыв», то есть включился в развернувшийся в 1860–1880-е гг. неочевидный, но понятный вдумчивому читателю-современнику «уникальный полилог, репликами в котором являются художественные произведения (романы), статьи, критические заметки» [Андреева: 382].

Гончаров — один из немногих прозаиков, по типу художественного мышления близких Островскому. Писатели дружили на протяжении многих лет [Ермолаева 2012, 2014]. Их сближает объективный, оптимистический, не замутненный никакими современными теориями, отклонениями в сторону идеологии или философии нравственный взгляд на мир, опора на народную культуру, юмористический дар. Во многом близкими оказались и их творческие поиски: как и ряд современников (В. И. Даль, А. Ф. Писемский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др.), они оказались причастны к созданию образа «тюфяка» в русской литературе в середине XIX в. В пьесах Островского не раз появлялись образы героев и героинь, близких гончаровским: Обломов и Лыняев из пьесы «Волки и овцы», Пахотин из «Обрыва» и Кучумов из «Бешеных денег», Вера из «Обрыва» и Лариса из «Бесприданницы» и др. [Ермолаева 2019].

Прямые отсылки к творчеству Гончарова в пьесах Островского встречаются нередко. В комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» присутствует одна из них: приказчик Барабошевых Никандр (а все герои называют его «Никандра») носит фамилию гончаровского Мухоярова. Да он и похож на этого хитреца и крючкотвора, ловко избегающего немилости начальства и обирающего доверчивого Обломова. Никандра у Островского умен и изворотлив. Живя в доме Барабошевых, он «деньгами и пошвыривает, а пришел в одном сюртучишке» [Островский 8: 254]. Вместе с полупьяным, амбициозным его хозяином Амосом Панфилычем приказчик обманывает старуху Барабошеву: «Пушайте против маменьки аллегория, а я в ваш тон потрафлю — против вашей ноты фальши не будет» [Островский 8: 284], — заверяет он Барабошева. Как у Гончарова угодливый Мухояров держит в материальной зависимости Обломова, так и Никандра завладевает хозяйскими делами, чувствует себя полновластным их правителем. Как угодливый Мухояров не может не посмеяться над Обломовым: «Что за голова! Меня даже смех взял... <...> Да, кум, пока не перевелись олухи на Руси, что подписывают бумаги не читая, нашему брату можно жить» [Гончаров 1997–. 4: 362], — так и Никандра исподтишка посмеивается над недалеким Барабошевым, вроде бы «потрафляя» ему. «За словесностью остановки не будет, потому как у вас на это дар выше» [Островский 8: 284], — повторяет он слова хвастливого бездельника хозяина. Интересно то, что и Мухояров у Гончарова, и Никандра у Островского окажутся наказаны, когда раскроется правда об их махинациях.

Переклички с романом «Обломов» в комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» выглядят малозначительными на фоне тех очевидных связей, которые есть в ней с романом «Обрыв». В данном случае речь можно вести не только о близости характеров, но сюжетных линий и ситуаций: бабушка и внучка на выданье — «наливное яблочко» («Наливные яблоки» — таково первоначальное название пьесы Островского), их противостояние; нежеланный герой-любовник, объявленный вором; яблоневый сад — место встречи возлюбленных, — провоцирующий ассоциации с библейским сюжетом о змее-искусителе; давняя любовная история «бабушки-деспотки». Глубоко драматичные характеры и сюжетные ситуации у Гончарова Островский использует для своей пьесы о любви, счастье и правде, переводя их в комический план.

Тема жениха и замужества звучит в открывающем пьесу диалоге Филицаты и Зыбкиной. Из него же зритель узнает о деспотичной бабушке и своевольной внучке, образы которых подразумевают уже прямой намек на роман «Обрыв». В купчихе Барабошевой можно увидеть сходство с бабушкой Бережковой. Татьяну Марковну в романе много раз называют «деспоткой». Райский объясняет причины ее деспотизма: «Да, правда, она деспотка... Это от привычки владеть крепостными людьми. Старые нравы!» [Гончаров 1997–. 7: 201]. И он же удивляется:

При этом, как могло все это уживаться в ней, и как бабушка, не замечая вечного разлада старых и новых понятий, ладила с жизнью и переваривала все это вместе, и была так бодра, свежа, не знала скуки, любила жизнь, веровала, не охлаждаясь ни к чему... [Гончаров 1997–. 7: 224].

Деспотизм бабушки Бережковой «построен на почве нежнейшей материнской симпатии и неутомимого попечения о счастье любимых ею сирот» [Гончаров 1997–. 7: 430], на неуспынной заботе об их душевном покое и благополучии. Автор характеризует Бережкову как полную властную хозяйку в доме, поведение которой подтверждает значение ее говорящей фамилии: «Она управляла им, как маленьким царством, мудро, экономно, кропотливо, но деспотически и на феодальных началах» [Гончаров 1997–. 7: 58], с любовью к внукам и уважением к старательным и заслуженным крепостным Василисе, Якову, Савелию, со строгостью к озорнику Егорке или распутной Марине. Справедливость бабушки, доходящая до геройства в сцене изгнания ею со званого вечера Тычкова, снискала любовь и уважение внуков. Даже в тех случаях, когда она сердится и отчитывает Бориса за его дружбу с Маркушкой, они уверены: «...бабушка предобрая, только притворяется...» [Гончаров 1997–. 7: 218].

У бабушки-деспотки есть план устройства жизни каждого из внуков: для Веры — Тушин, для Райского — занятия хозяйством и красавица-дочь богатого откупщика Мамыкина, а Марфинька — еще дитя. Жизнь, однако, оказывается сложнее предположений бабушки: Марфинька сама находит себе жениха, Райский и Вера выходят из повиновения. Прехопадение Веры приводит Татьяну Марковну к осознанию собственного нераскаянного греха как вины перед внучкой, к глубочайшему покаянию. Нарастающий драматизм в развитии сюжетного

действия в романе позволяет автору раскрыть тайны героев, мотивировать каждый их поступок.

Островский выстраивает характеры по законам комедии. В драматическом произведении невозможна эпическая обстоятельность в раскрытии образа. Чередование эпизодов на сцене определяет фрагментарность нравственных характеристик, в показе психологического состояния персонажей, переходов от мысли к слову, действию. Развитие души героя нередко происходит как бы за сценой, перед читателем он является уже с изменившимся настроением или принятым решением. Чаще всего зритель видит не психический процесс, а его результат, о котором сообщают персонажи. Любой образ в комедийном жанре предполагает его компрометацию.

Герои Островского представляют богатое купечество и бедное мещанство. Характеристики бабушки Мавры Тарасовны Барабошевой автором юмористически заострены, поведение героини позволяет критикам назвать ее «Кабанихой на новый лад» [Хромова: 250]. Не подозревая комического оттенка приводимой пословицы: «Меня не то что уговорить, в ступе утолочь невозможно» [Островский 8: 297], с гордостью подчеркивает она в себе некое геройство. Возгордившаяся к старости Барабошева няньке Филицате заявляет: «Что я прежде и что теперь — большая разница; я теперь очень далека от всего этого и очень высока стала для вас, маленьких людей» [Островский 8: 298]. Властность и гордыня в душе Барабошевой возрастают вопреки любви, единственной опорой ее деспотизма являются деньги. Обращение с окружающими служит подтверждением тому, что ее, как и бабушку Бережкову, можно было бы назвать словом «деспотка». Мавра Тарасовна уверена, что сын, Амос Панфилович, в полной мере зависит от ее распоряжений о его «бюджете», в хитросплетениях приказчика она может сама разобраться, судьбу внучки Поликсены устроит по собственному желанию:

Что бы я ни думала, а уж знаю я, миленькая, наверно, что ты-то вся в моей власти: что только задумаю, то над тобой и сделаю;

Будешь ты сидеть дома под замком вплоть до свадьбы. <...> ...когда я найду тебе, миленькая, жениха по своей мысли [Островский 8: 257].

Не сомневается Мавра Тарасовна и в подчиненности няньки, в возможности найти управу на садовника Глеба.

Однако деспотизм этой старухи все герои пьесы умеют обойти. В торговле она смыслит мало, сын торгует «по доверенности» от матери, чтобы только поддержать амбиции богатого дома, при этом матерью он недоволен: «...у нее у сундука замок очень туг» [Островский 8: 284]. Это бестолковый пьяница, обманщик и расточитель состояния, заодно с ним и Никандра. Непокорная внучка Поликсена влюбилась не в генерала, как желали бы бабушка и отец, а в бедного приказчика, она грозит сбегать из дома, не дорожит приданым, не любит бабушку. Давняя наперсница хозяйки Филицата — «баловница» и «потатчица» прихотям Поликсы, садовник Глеб обворовывает сад. Нет в доме Барабошевых порядка, любви и согласия: «Эка тишина, точно в гробу! С ума сойдешь от такой жизни!» [Островский 8: 295], — говорит Филицата.

И все-таки, в отличие от Кабанихи из «Грозы», Мавра Тарасовна не до конца растеряла чувство справедливости, потому прислушивается к словам разумной няньки, заводя с ней откровенный разговор. Веря в лучшие качества души Барабошевой, Филицата говорит с ней прямо и правдиво, а иногда позволяет себе немалую вольность: в ответ на приказ покинуть дом она открыто дерзит хозяйке, укоряя ее в несправедливости и неблагодарности:

Вот выдумала! <...> Сорок лет я в доме живу... всё хороша была, а теперь вдруг и не гожусь;

Я хоть сейчас. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень [Островский 8: 297, 298].

В таком поведении Филицаты видится истинное и немалое героическое, поскольку она знает, что деться ей из дома Барабошевых некуда. Татьяну Марковну в романе Гончарова видит Райский:

Какой она красавицей показалась Борису, и в самом деле была красавица. Высокая, не полная и не сухощавая, но живая старушка... даже не старушка, а лет около пятидесяти женщина, с черными, живыми глазами и такой доброй и грациозной улыбкой, что когда и рассердится и засверкает гроза в глазах, так за этой грозой опять видно чистое небо [Гончаров 1997-. 7: 60].

Мавра Тарасовна представлена в авторской ремарке:

...полная и еще довольно свежая старуха, лет за 60, одевается по-старинному, но богато; в речах и поступках важность и строгость [Островский 8: 252].

Ее возлюбленный Сила Ерофеич не без гордости вспоминает: «Первая красавица в Москве, и та любила Грознова...» [Островский 8: 280].

Красота героинь — одна из мотиваций любовных историй, сближающих роман и пьесу. История любви Татьяны Марковны, любви красавицы и молодого офицера Тита Никонича Ватутина, глубоко драматична:

Тит Никонич, в молодости, приехал в город, влюбился в Татьяну Марковну, и Татьяна Марковна в него. Но родители не согласились на брак, а назначили ей в женихи кого-то другого [Гончаров 1997–. 7: 70].

Вопреки воле родителей своевольная девица Бережкова пошла на «решительное rendez-vous» с Титом Никоничем, свидетелем которого стал соперник Ватутина в любви граф Сергей Иванович. Крицкая «со смехом» рассказывает Райскому:

Соперники дали друг другу слово: граф — молчать обо всем, а тот — не жениться... Вот отчего Татьяна Марковна осталась в девушках... [Гончаров 1997–. 7: 754].

В этой ситуации в поступках каждого из возлюбленных просматривается своеобразное геройство.

Казалось бы, что общего в этой, глубоко драматичной «рыцарской» истории с мещанской историей Мавры Тарасовны и Силы Ерофеича? Там тайна держится на честном слове дворянина, там невозможность огласки предотвратила убийство на дуэли: «Дратья было нельзя, чтоб не огласить ее» [Гончаров 1997–. 7: 754]. Сила Ерофеич Грознов мало похож на графа Сергея Ивановича или блестящего офицера-дворянина Ватутина. Однако армейское прошлое, роль героя-любовника сближают их. Дослужившийся до «ундера», то есть до унтер-офицера, младшего офицерского чина, простой солдат

Грознов участвовал в русско-турецкой кампании 1828 года: «Браилов брал», «в натуре» видел «австрицкого, прежнего» императора [Островский 8: 275]. Не вызывает сомнений, что награжден Грознов был за мужество и отвагу, потому и снискал себе уважение в глазах Филицаты, Зыбкиной и даже Барабошева, который при знакомстве с ним говорит: «Ундер в порядке: и нашивки имеет и кавалерию; я его одобряю» [Островский 8: 303]. Не только в смелости, но и в верности слову, в чувстве собственного достоинства Сила Ерофеич равен и Ватутину, и графу. Как они молчат о компрометирующем Татьяну Марковну «решительном rendez-vous», так и он хранит тайну своих грешных отношений с девицей Маврой, и для него честь возлюбленной — дело святое. А потому ее репутация окажется незапятнанной в глазах Зыбкиной и Платона, сына и внучки, приказчика и садовника. Об этих отношениях знает только Филицата, но и она молчит, как молчала всю жизнь о тайне девицы Бережковой верная ее ключница Василиса. Называя Грознова словом «кавалер», ни Зыбкина, ни Барабошев не подозревают комизма ситуаций, поскольку слово это не только обозначает «кавалерию» Силы Ерофеича, но и точно определяет его давние отношения с Маврой Тарасовной.

История любви старухи Барабошевой во многом комична по причине очевидной ограниченности героини, о чем Филицата говорит ей прямо в глаза: «А еще умной называешься. Кто тебя умной-то назвал, и тот дурак» [Островский 8: 297]. Филицата же смеется над хозяйкой, поскольку та во всем советуется «с дурачком Кирилушкой»: «Какая ж бы она умная была, кабы с дураком не советовалась» [Островский 8: 295]. Грознов тоже понимает, что возлюбленная его, поверившая в «пустую» клятву с «дурацкими» словами, которую, уезжая на войну, он взял с нее, недалекого ума. Комичность любовной истории определяет и денежный интерес, сопутствующий отношениям Барабошевой с Грозновым, о чем со смехом рассказывает Сила Ерофеич:

Вот и полюбила она Грознова... и имел Грознов от нее всякие продукты и деньги... И услали Грознова под турку... И чуть она тогда с горя не померла... так малость самую... в чем душа осталась. А Грознов стал воевать... [Островский 8: 280].

Считавший, что имеет полное право «тиранить» вышедшую замуж в его отсутствие неверную возлюбленную, при новой встрече Грознов пользуется ее испугом перед оглаской их отношений:

...деньги-то мне тычет... и перстни-то снимает с рук, отдает; я все это беру... Дрожит, вся трясется, так по стенам и кидается; а мне весело. «Возьми что хочешь, только мужу не показывайся!» [Островский 8: 280].

В вариантах пьесы были и такие слова, открывающие совестливую душу героя:

А просто бы ей в шею тогда меня: потому что безо всяких я прав пришел. Только с одним форсом. Да глупость-то бабья велика, а нам это на руку [Островский 8: 521].

Значительность «материальной заинтересованности» для Грознова и Барабошевой Островский комически подчеркивает, включая в пьесу их перепалку при новой встрече по поводу жалования «ундера у ворот»: герой настойчиво выторговывает себе обозначенную им самим сумму в «четырнадцать рублей двадцать восемь копеек с денежкой», не уступив Барабошевой и «денежки», хотя чуть раньше отказался от ее имущества и «капитала»: «И денег мне твоих не надо — у меня свои есть» [Островский 8: 299].

В отличие от щедрого и бесхозяйственного дворянина Ватутина, который, имея «душ двести пятьдесят или триста <...> в имение не заглядывал и предоставлял крестьянам... платить ему оброку сколько им заблагорассудится» [Гончаров 1997–. 7: 68], Грознов знает цену поддерживающим его самоуважение нажитым многолетней тяжелой службой деньгам, необходимым в одинокой старости. Он отдает их под большие проценты, а Зыбкиной советует не платить долг Барабошевым, поскольку бедным людям деньги достаются трудно. Для автора подобные характеристики — повод для доброй усмешки над героем, которому доверена очень ответственная роль в пьесе: благодаря его бескорыстию, душевной мудрости и приверженности добру в финале торжествует правда.

Грознову дано от Бога и предков, от жизненного опыта истинное, христианское понимание человеческих добродетелей и пороков, уме-

ние различать добро и зло, характерное для русского человека осознание справедливости как правды, неразрывности правды и добра, и при этом умение посмеяться над собой и окружающими, сатирический склад ума, согретого сердечным чувством. За типичными для комического героя «говорящими» именем и фамилией скрывается и то, что дороже Грознову всяких денег, — великодушие, живое любовное чувство к своей недалекой избраннице: все годы разлуки молился он о ее здоровье и новой встрече с ней. «Счастье» Силы Ерофеича в том, что, прошедший тяжелую многолетнюю солдатскую службу, претерпевший многие испытания, в душе своей он пронес прежнее геройство — не растерял обостренного чувства собственного достоинства и умения отстоять его. Посмеявшийся над старым солдатом Никандра, назвавший его «орангутангом», получает по заслугам:

Поживи-ка с мое, так сам в богадельню заправишься, а я еще на своих харчах живу. А у Барабошевых тебя держать станут ли, нет ли, не знаю; а я жить буду. А коли будем жить вместе, не прогонят тебя, так ты мне вот как будешь кланяться. Не больно ты важен, видали и почище [Островский 8: 275].

Финал пьесы докажет справедливость слов Грознова.

Наделяя своих героев — Ватутина, Татьяну Марковну, Грознова, Филицату — своеобразным «геройством», Гончаров и Островский обнаруживают очевидное сходство в понимании настроений в 1860–1870-е гг. в современном им обществе. Вот что увидел в нем в эти два десятилетия Ф. М. Достоевский:

...множество, чрезвычайное современное множество этих новых людей, этого нового корня русских людей, которым нужна *правда*, одна правда без условной лжи, и которые, чтоб достигнуть этой правды, отдадут все решительно [Достоевский: 57].

Об этом писал он в «Дневнике писателя» за 1877 г. в связи с образами Константина Левина и некрасовского Власа. В числе таких правдолюбцев Достоевский видит людей разных положений и сословий, «разрядов и убеждений»:

...тут и аристократы и пролетарии, и богачи и бедные, и духовные и неверующие, и ученые и неучи, и старики и девочки, и славянофилы и западники. Разлад в убеждениях непомерный, но стремление к честности и правде неколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества...;

Это наступающая будущая Россия честных людей, которым нужна лишь одна правда [Достоевский: 57].

Наиболее наглядно такие настроения выразились в образах молодых героев Гончарова и Островского. В каждом из них — Вере и Поликсене, Марке Волохове и Платоне Зыбкине — очевидны стремление к правде и готовность героически постоять за нее.

На своих любимых героинь, бабушку Бережкову и Веру, Гончаров возлагает великую миссию: их образы символизируют целые эпохи в жизни России: бабушка — прошлое, Вера — будущее. О Вере он пишет:

Пала не Вера, не личность, пала русская девушка, русская женщина, — жертвой в борьбе старой жизни с новой: она не хотела жить слепо, по указке старших. Она сама знала, что отжило в старой, и давно тосковала, искала свежей, осмысленной жизни, хотела сознательно найти и принять новую *правду*, удержав и все прочное, коренное, лучшее в старой жизни. Она хотела не разрушения, а обновления. Но она «не знала», где и как искать (Курсив автора. — Н. Е.) [Гончаров 1980: 131].

«Свободный ум» гончаровской Веры, ее приверженность правде, увлечение честностью и бесстрашием Марка приводят к тому, что она, «почти незаметно для нее самой, поверила искренности его односторонних и поверхностных увлечений и от недоверия перешла к изумлению, участию» [Гончаров 1997–. 7: 661]:

Любовный роман Веры и Марка Волохова напоминает богословско-философский поединок. Как религиозная девушка, Вера убеждена, что всякая любовная связь мужчины и женщины, не освященная таинством брака, греховна и безнравственна. <...> Марк Волохов, напротив, убежден, что все эти нравственные ограничения — фантастическая выдумка приверженцев старины, ветошь, которую давно следовало бы выбросить за ненадобностью [Лебедев 2010: 365–366].

Моральное насилие Марка и мучительная страсть «привередницы», «дикарки» Веры приводят к катастрофе, но и к осознанию. После «падения» героиня теряет веру в своего героя и отказывается выйти за него, она говорит бабушке:

...если б он каким-нибудь чудом переродился теперь, стал тем, чем я хотела прежде чтоб он был, — если б стал верить во все, во что я верю, — полюбил меня, как я... хотела любить его, — и тогда я не обернулась бы на его зов... [Гончаров 1997–. 7: 707–708].

Не оказалось во многоумном Марке, этом «рыцаре свободы», в отношении к возлюбленной того истинного рыцарства, того геройства, какое есть в простом и честном, твердом, «как скала», Тушине, за что и Марк, хоть не без иронии, назовет его «рыцарем».

С Поликсеной и Маврой Тарасовной Островский прямо не связывает далеко идущие обобщения, однако к Поликсене вполне применимы слова Гончарова о его Вере: «она не хотела жить слепо, по указке старших. Она сама знала, что отжило в старой, и давно тосковала, искала свежей, осмысленной жизни...». Как Гончаров сближает характеры бабушки и внучки, так и Островский говорит о Поликсене устами Филицаты: «...характер огневой, упорная, вся в бабушку» [Островский 8: 253]. Близкие Вере представления и желания Поликсены высказаны в ее словах: «...я пойду за того, кого люблю. Нынче всякий должен жить по своей воле» [Островский 8: 297]. Платону Поликсена дает слово выйти за него и заверяет: «Я слово сдержу. Мое слово крепко» [Островский 8: 293], — а поведение героини подтверждает ее слова. Без любимого человека она не представляет себе жизни: «Тоска меня загрызла, места не найду» [Островский 8: 295], — потому готова на побег из дома или самоубийство. Слова о самоубийстве Островский не случайно вкладывает в уста героини, которой дал имя Поликсена: тем самым он намекает на знакомый русскому театральному зрителю и читателю финал трагедии В. А. Озерова «Поликсена». Героиня этой пьесы закалывает себя на могиле возлюбленного Ахилла. Сближая в комедии современную девушку с героиней древнегреческого мифа, автор предоставляет возможность читателю и зрителю не только поверить ее словам, но и улыбнуться.

В любви Поликсена поступает «по душе», отказываясь от приданого, от материального расчета, на котором держится вся жизнь в купечестве.

Она готова безоглядно отдаться на волю любимому: «...я, кажется, все для тебя на свете, ну, все, что ты хочешь» [Островский 8: 291]. Как и гончаровская девица Татьяна Бережкова, долгие годы не помышлявшая о покаянии за «решительное rendez-vous», Поликсена убеждена в своем праве на любовь. Для нее, как и для ряда других героинь Островского: девицы Мавры Барабошевой, Аксюши («Лес»), Сашы Негиной («Таланты и поклонники»), Ларисы («Бесприданница»), Любви Отрадиной («Без вины виноватые») — вопрос о греховности телесных отношений с мужчиной не стоит. За бескорыстие, стойкость и воинственную решимость любит Поликсену старая нянька, вселяющая надежду в ее душу пословицей: «Бог не без милости, казак не без счастья» [Островский 8: 295], — в которой слово «казак» — синоним слова «воин».

Правдолюбие Платона Зыбкина, как и правдолюбие Марка, — от просвещенного ума. Мать говорит о Платоне: «...он чему учился-то, все это за правду принял, всему этому поверил» [Островский 8: 254]. Оба героя однозначно убеждены в собственной правоте как правоте новых, просвещенных людей. Взгляды свои они ни от кого не скрывают, потому и нажили себе врагов. Волохова принимают в городе как напасть: это «разбойник», «пария», «циник», «отверженец», «Варавва». Гончаров настаивает: герой его не является носителем каких-то конкретных модных теперь убеждений:

...Волохов говорит именем правды, разума и свободы: но в этом все сходны с ним: и старые и новые люди, и консерваторы, и либералы! И только в этом. Кто же отказывался от этого в своих убеждениях? <...> У всех, самых противоположных лагерей — всегда есть общие точки соприкосновения, все ратуют во имя разума, свободы и правды... [Гончаров 1980: 127].

Автор утверждает, что намеренно взял для романа «честного, то есть искреннего человека, не глупого, с некоторой силой характера». <...> Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблуждение только и могли вводить в заблуждение и Веру и других» [Гончаров 1980: 129]; «он с почвы праздной теории безусловного отрицания готов перейти к действию» [Гончаров 1980: 128]. Итогом «действий» Волохова становится распространение запрещенных книг среди подростков, за что и пострадали они и их родители. А еще — «честное» поведение с Верой, за которое сам беспощадно осудит себя:

Из логики и честности, — говорило ему отрезвившееся от пьяного самолюбия сознание, — ты сделал две ширмы, чтоб укрываться за них с своей «новой силой», оставив бессильную женщину разделяться за свое и за твое увлечение, обещав ей только одно: «уйти, не унося с собой никаких “долгов”, “правил” и “обязанностей”... оставляя еѐ нести их одну...» [Гончаров 1997–. 7: 730].

Запоздалое раскаяние Марка мучительно:

Ты не пощадил ее «честно», когда она падала в бессилии, не сладил потом «логично» с страстью, а пошел искать удовлетворения ей, поддаваясь «нечестно» отвергаемому твоим «разумом» обряду, и впереди заботливо сулил — одну разлуку! Манил за собой и... договаривался! Вот что ты сделал! — стукнул молот ему в голову еще раз [Гончаров 1997–. 7: 730].

Убеждения Платона Зыбкина также не соотнесены Островским с современными идеологическими течениями. Герой гордится тем, что «за свое образование» он «личный почетный гражданин». Платона можно было бы охарактеризовать словами Гончарова о Волохове: он «говорит именем правды, разума и свободы». Слабые отзвуки теоретизирований Волохова угадываются в словах Платона:

Всякий человек, что большой, что маленький, — это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело и другим на пользу, — вот он и патриот своего отечества [Островский 8: 267].

Однако в герое Островского нет змеиной изворотливости и эгоизма Марка, а есть простота, которая хуже воровства. По словам Зыбкиной, «все он, как младенец, всем правду в глаза говорит». За правду герой готов постоять, подобно первым христианам за их веру: «Самому лютому зверю — льву и тому в глаза правду скажу» [Островский 8: 289]. Не постиг только Платон «правды» купеческой жизни, не обрел жизненной мудрости: «...живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено» [Островский 8: 254]. По этой причине он, как и Волохов, — изгой в обществе: откровения Платона убеждают его мать, что сын ее «вышел... с повреждением в уме», Мухояров и Барбошев

в насмешку именуют его «лишним» и «лыцарем». Понимая это, Платон готов терпеть унижения из любви к Поликсене:

Все надо мной смеются, издеваются, хозяин из меня шута сделал, мне бы давно бежать надо было; а я все на вас, на вашу красоту любовался [Островский 8: 289].

Поликсена полюбила Платона за прямоту, честность, стойкость и, в отличие от Веры, в своем герое не обманывается. Слово «рыцарь» может быть употреблено в отношении к Платону без всякой иронии — его поведение в отношении к возлюбленной истинно рыцарское, геройское. Ни потеря места, ни возможность легко избавиться от большого долга не заставят Платона запятнать свою душу — открыть Барабошевым и Никандре имя возлюбленной. Платон готов даже отправиться в «яму», в долговую тюрьму, хотя и ему, как Николаю Шаблову из пьесы «Поздняя любовь», конечно, хорошо известно, чем может обернуться такая участь. Николай говорит о ней:

Что у меня впереди по выходе из тюрьмы, какая карьера? Быть писарем в квартале, и то надо кланяться, чтоб пустили. Репутация моя погибла навсегда [Островский 8: 45].

Варианты пьесы свидетельствуют о том, что в авторском замысле Платон должен был быть охарактеризован более обстоятельно. Защищаясь от унижений Барабошева и Никандры, требующих назвать имя возлюбленной, он говорит: «Что я люблю душой, того не дам вам на поруганье!»; «Уж все, что есть на свете низкого, делайте, а от меня низости не дождетесь» [Островский 8: 532]. О глубине и жертвенности его чувства к Поликсене, драматизме ситуации должны были свидетельствовать и такие слова:

А ведь я честный и с понятием человек, место мне в хорошей банковской конторе, денег мне две тысячи рублей в год, а я здесь, промежду грубостью и невежеством, погибаю;

Да вот через свою глупую любовь и попал в беду [Островский 8: 543].

Истинную твердость проявит Платон и в тот момент, когда откажется обманывать старуху Барабошеву, составлять «фальшивые балансы». Слова героя о том, что не взял бы за такой баланс и тысячи рублей, убеждают Силу Ерофеича в честности Платона, в близости себе его геройской натуры. Редкое в купеческой среде бескорыстие героя подкупит и Мавру Тарасовну:

Слышала я, Платон, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать. <...> да ты сказал, что тысячи рублей не возьмешь [Островский 8: 303].

Вера в искренность любви Платона «призывает» бабушку поступить с молодыми людьми «по душе» — согласиться на их брак. Заметим, что и бабушка Бережкова соглашается на союз Веры и Марка из сострадания к глубине любовного чувства внучки. А. И. Журавлева пишет о Платоне:

Островский, рисующий Платона не без юмора, очень далек от осуждения его прекраснотушия. Наивная вера Платона в силу слова и просвещения подкреплена его нравственной стойкостью, вызывающей полное уважение драматурга. Не в том дело, чье добро он бережет от расхищения... а в том, что он не позволяет сломить себя перед лицом полной житейской катастрофы, и, оберегая свою профессиональную честь, он в сущности защищает свое достоинство, да и Правду. Новое время в более широком и принципиально, сверхличном смысле [Журавлева: 17].

Будущее Платона как хозяина капиталов Барабошевых позволяет увидеть в его образе отражение исторических представлений драматурга о судьбах деловых людей в России. С прошлым русского купечества, с «самодурами Островского» в комедии связаны образы старухи Барабошевой и ее сына, Платон же олицетворяет настоящее и будущее русского капитала. Варианты пьесы свидетельствуют о стремлении автора более широко охарактеризовать представления Платона, о честности и патриотизме, судьбах русских денег. Герою принадлежали и такие слова:

Кто человек ученый, или искусный, или художник, какой говорит за-
всегда правду, как есть по его науке, хорошо, честно, благородно делает

свое дело, — тот патриот своего отечества, кто богатый, хоть неученый, помогает бедным, поддерживает таланты, водится с умными людьми, ведет свою торговлю честно и благородно, тот патриот своего отечества [Островский 8: 533].

Образ Платона Зыбкина встает в один ряд с образом другого делового человека, дворянина Василькова в пьесе «Бешеные деньги», устами которого драматург говорит:

Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. <...> Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство — спекуляция плохая [Островский 8: 317].

Видимо, Платону Зыбкину предстоит стать одним из тех деловых людей в России в конце XIX в., которые нередко свои деньги доверяли друг другу под честное слово. Появление такого героя в пьесе укрепляет оптимизм ее финала.

И вновь возникает параллель с романом Гончарова, оптимистичный финал которого в немалой степени обусловлен появлением образа Тушина, идеального делового человека из дворянского сословия, понимающего «прелесть правды». Райский увидел в работнике Тушине «наше прочное “будущее”» [Гончаров 1997–. 7: 736]. Гончаров писал о Тушине:

Почувствовать и удержать в себе красоту природной простоты... в этом и вся его заслуга. Верить в эту простоту, быть искренним, понимать прелесть правды и жить ею, то есть иметь сердце и дорожить им... [Гончаров 1980: 135].

Известно, что уже современники высказали немало сомнений по поводу художественной и жизненной состоятельности этого героя, на что осторожный автор отвечал, что это «фигура бледная, неясная», поскольку

рисовать... трудно и, по-моему, просто нельзя с жизни, еще не сложившейся, где формы ее не устоялись, лица не наслоились в типы. Никто не знает, в какие формы деятельности и жизни отольются молодые силы юных

поколений, так как сама новая жизнь окончательно не выработала новых окрепших направлений и форм [Гончаров 1980: 135, 136].

Неопределенность представлений о будущем близка и Островскому, который свой осторожный оптимизм в отношении к «идеальному» купеческому сыну Платону Зыбкину выражает уже в его фамилии. В других же пьесах в один ряд с ним встают такие будущие «деловые люди», как дворянин Васильков («Бешеные деньги»), даже ради любви не вышедший «из расчета»; дворянин Беркутов («Волки и овцы»), забывающий в своих расчетах о благородстве; дворянин Паратов, продающий себя за золотые прииски; купеческий сын Вожеватов, не понимающий «что любовью-то называется»; вчерашний мужик Дерюгин («Светит, да не греет»), мечтающий «забарствовать» в усадьбе Ренёвой, почти обманом получивший права на это имение.

Сближает роман Гончарова и пьесу Островского и *глубина драматизма ситуаций*, связанных с отношениями молодого и старшего поколений. После «падения» Вера отчаивается получить прощение «безгрешной» бабушки: «Бабушка нейдет! бабушка не любит! бабушка не простит!» [Гончаров 1997–. 7: 673]. Понимание и прощение героиня получает благодаря духовному прозрению, запоздалому раскаянию Татьяны Марковны. Молодые герои Островского к концу третьего действия оказываются в ситуации, выход из которой — разбитое сердце, самоубийство или нищенство. «Все вы у меня отняли и убили меня совсем» [Островский 8: 293], — говорит Платон Барабошевой. Он, как и Поликсена, не надеется на бабушку: «...только от бабушки никакого благородства ждать нельзя: она беспрменно подлость какую-нибудь выдумает» [Островский 8: 290]. Однако и в пьесе действие разворачивается вопреки ожиданиям героев, и в ней сыграет роль «встреча» Мавры Тарасовны со своим прежним «грехом», в котором она было «и каяться перестала» [Островский VIII: 298].

На что рассчитывала Филицата, назвавшая Силу Ерофеича «колдуном» и призывавшая его спасти от несчастья Платона и Поликсену? Умной сердцем Филицате понятны и близки лучшие качества души старого солдата. Помнит она и о давней любви к Грознову, приверженности правде и добру своей хозяйки. Неожиданная встреча бывших возлюбленных подтверждает правоту старой няньки. Появление Грознова для Мавры Тарасовны подобно раскату грома. С ним связано преследу-

ющее ее воспоминание о страшной клятве, долгие годы «душившей» ее «петлей на шее», по которой она «всем обязана» Силе Ерофеичу. Много лет она трепетала перед его именем, уверила себя в его гибели: «Никак нельзя ему живым быть, потому я уж лет двадцать за упокой его души подаю: так нешто может это человек выдержать» [Островский 8: 298]. И потому — первая мысль героини: «...не окаянный ли ты, не за душой ли моей пришел?» [Островский 8: 298].

Старуха Барабошева боится разорения и огласки позорной для нее добранной любовной связи, называет Грознова «погубителем» и «варваром». Но случается неожиданное, обернувшееся для нее душевным потрясением. Разумный и многоопытный Сила Ерофеич начинает диалог с возлюбленной с того, что посмеется над ней, запутывая непомерными требованиями в следовании страшной клятве, а затем уязвит ее гордыню, неожиданно посочувствовав ее старости и немощности, о которых она и не задумывалась. Но вдруг с предельной искренностью, простотой и истинным героизмом он обнажит свою душу: не окаянный, не погубитель и не варвар перед ней, но «ветхий старичок», явившийся со слезами просить: «Угол мне нужен, век доживать; угол — где-нибудь в сторожке, подле конуры собачей. <...> Ты пшеничная... а я аржаной — я на двоере» [Островский 8: 299–300]. Сквозящая в этом признании душевная открытость и беззащитность, немощность много страдавшего, в прошлом грозного воина оказываются сильнее всяких пушек. Любящее сердце героя находит путь к сердцу Мавры Тарасовны: «утирая слезы», называет она Грознова «миленьким»: «Ах ты, миленький, миленький!» [Островский 8: 299]. И это уже не форма обращения, принятая Барабошевой в отношении к окружающим и часто звучащая как насмешка. Глубоким состраданием проникается к Грознову Мавра Тарасовна, «с чувством» именующая его «сирота горькая». Перед неизбежной правдой-истиной, объединяющей ее, тоже немолодую и несчастливую женщину, с бывшим возлюбленным, пала гордыня героини, в ее словах — искреннее чувство, а в поведении в продолжении последующего диалога — послушание и смирение. В русской душе Мавры Тарасовны тяга к правде и добру одержала верх над недалеким умом, расчетливостью и лживыми амбициями, сердце героини оказалось богаче и горячее, чем самой ей думалось. Душевному прозрению героини помогает «случай», который, по словам Лебедева, «справедлив, разумен, мудр. За ним скрывается дыхание высшей правды, через него открывается человеку высшая совесть» [Лебедев: 197].

В комический план произошедшее переводит тот факт, что «случай» этот подстроен Филицатой. Она же не без улыбки удивляется содеянному: «Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вот нашла на нее грозу» [Островский 8: 301]. Островский намеренно играет словами, рифмуя имя Силы Ерофеича со словом «сила», а фамилию Грознова со словом «гроза». Порядок, любовь и уважение в доме Барабошевых, душевный покой Филицаты и Мавры Тарасовны, сохранность ее капитала, счастье Поликсены и Платона, собственное безбедное существование устраиваются благодаря житейской мудрости Силы Ерофеича и Филицаты. «Счастьем» герои назовут торжество правды-справедливости, жизнь «по душе». Такое счастье и имеет в виду Мавра Тарасовна, когда в финале говорит Платону: «Правда — хорошо, а счастье лучше».

Неожиданный поворот сюжета в пьесе «Правда — хорошо, а счастье лучше» исследователи объясняют по преимуществу Божьей волей. Г. В. Мосалева пишет:

В пьесе отчетливо выражается мысль о непостижимости Милости Божией, когда именно по воле Божией преодолеваются все препятствия и устраиваются счастливые человеческие пути. Милость в этом случае и оказывается Правдой Божией, возвышаясь над частными человеческими правдами [Мосалева: 224].

Согласен с Мосалевой и Н. В. Капустин, почти уравнивающий понятие Божья воля с характерным для Островского «доверием к жизни»:

Божья воля в органическом соединении с силой природно-естественной как раз и направляет внешне случайные человеческие действия [Капустин: 22, 24].

Не отвергая мнений исследователей, уповающих на Божью волю, каковой, конечно, не мог игнорировать русский православный писатель, имеющий в виду того Бога, который живет в душах его героев, заметим, что в финале комедии *отсутствует непосредственная авторская апелляция к силам небесным или дьявольским*. Согласимся с мнением Н. А. Шалимовой:

В пространстве своего театра Островский воссоздает *жизнь души, а не борения духа*. Пьеса эта о тайнах душ и сердец русских людей, способных *чувствовать и сочувствовать* — любить, жалеть, понимать, сопечаловаться и сорадоваться (Курсив автора. — Н. Е.) [Шалимова: 22].

Не умом сильны герои Гончарова и Островского, а горячим, любящим сердцем, в этом их счастье. Эгоистичный и изворотливый в рассуждениях о любви, холодный сердцем Марк Волохов отвергнут Верой. Гончаров желал бы для нее любящего без рассуждений, доброго и правдивого, «русского богатыря» Ивана Ивановича Тушина. Тайны сердца Татьяны Марковны и Тита Никонича — в их многолетней верности друг другу, во взаимном любовании и молчаливом поклонении чистоте многие годы сбереженного чувства. Тайна сердца бабушки Бережковой — в осознании собственной греховности, в неприятии Марка и одновременно жалости, доброты к нему, в согласии на брак с ним Веры. Тайна сердца Веры — в неожиданном отказе от этого брака. Роман и заканчивается размышлениями о доверии бабушки к сердцу Веры, оно и есть — залог ее будущего счастья:

Она рассчитывала на покорность самого сердца: ей казалось невозможным, любя Ивана Ивановича как человека, как друга, не полюбить его как мужа... [Гончаров 1997-. 7: 759].

О такой же вере Райский шепчет Тушину при прощании. Заметим, что логика развития образа этого героя в романе построена на неожиданных «извивах и разворотах» его сердечных влечений и увлечений. Об одной из открывшихся ему самому тайн он скажет при отъезде в Италию:

Сердце мое приютилось здесь: я люблю всех вас — вы моя единственная, неизменная семья: другой не будет! [Гончаров 1997-. 7: 679].

Внезапные повороты в судьбах многих героев Островского также мотивированы тайнами их сердец, силой характеров, глубиной переверотов в душах, свершающихся в пользу выбора истинного пути к счастью — правды как справедливости и добра. В этом причина кажащихся критикам «неожиданными» финальных «счастливых» пере-

мен в судьбах Дуни Русаковой и Вани Бородкина («Не в свои сани не садись»), Любы Торцовой и Мити («Бедность не порок»), Аннушки и Миловидова («На бойком месте»), Параши и Гаврилы («Горячее сердце»), Аксюши и Петра («Лес»), Агнички и Ипполита («Не всё коту масленица»), Людмилы и Николая («Поздняя любовь») и др. Правду и добро выбирают Ваня Бородкин, поверивший в чистоту возлюбленной, Гордей Торцов, возвысившийся сердцем над собственной гордыней, Миловидов, сбросивший с глаз пелену очарования лживой Евгении, Параша Курослепова, разуверившаяся в «геройстве» Васи, Несчастливцев, не опустившийся до мелочного денежного расчета, Ипполит, открывший в себе истинное «геройство», Николай Шаблов, поверивший в искренность и силу самоотверженного чувства Людмилы. Подобный же переворот случается и в душе Мавры Тарасовны, внявшей призыву Филицаты: «Вспомни молодость-то, так сама внучку-то пожалеешь» [Островский 8: 298]. Не устояло ее сердце перед «правдой» и «счастьем» собственной молодости в лице Грознова, перед правдой и геройством, залогами счастья младенчески искреннего, прямодушного Платона и любящей Поликсены.

Обращение к теме «А. Н. Островский и И. А. Гончаров» позволяет говорить о взаимной заинтересованности прозаика и драматурга творчеством друг друга и сделать выводы о том, что в пьесе «Правда — хорошо, а счастье лучше» Островский на свой лад «перерабатывал» сюжеты и образы эпического произведения. В характеристиках героев, в построении сюжетных ситуаций в романе Гончарова и пьесе Островского открывается родственность и различия в нравственной позиции двух русских писателей, сходство в понимании ими жизненной ситуации, общественных устремлений в 1860–1870-е гг.

Список литературы

Источники

- Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–.
Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1980. 560 с.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 470 с.
Островский А. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Кострома: Костромаиздат, 2018–.

Исследования

Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. 492 с.

Гришунин А. Л. А. Н. Островский и А. С. Грибоедов // Наследие Островского и советская культура. М.: Наука, 1974. С. 77–92.

Журавлева А. И. «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 12–18.

Ермолаева Н. Л. А. Н. Островский и И. А. Гончаров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 27–31.

Ермолаева Н. Л. Гончаров Иван Александрович // А. Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2012. С. 110–112.

Ермолаева Н. Л. Петербург, Москва, провинция в творчестве А. Н. Островского и И. А. Гончарова // Два века русской классики. 2019. Т. 1, № 2. С. 144–173. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-2-144-173>

Капустин Н. В. Неслучайная случайность в комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Вестник Костромского университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 20–25. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-5-20-25>

Купцова О. Н. «В чужом пиру похмелье» А. Н. Островского и традиция «комедии воспитания» // А. Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2010. Вып. 3. С. 94–107.

Купцова О. Н. Еще раз об Островском и Дюканже // Щелыковские чтения. Творческое наследие А. Н. Островского: бытие во времени. Кострома: Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского «Щелыково», 2004. С. 145–158.

Купцова О. Н. «Пучина»: «Семнадцать лет, или жизнь семейного человека» (мелодрама в IV действиях) // Щелыковские чтения. А. Н. Островский в современном мире. Кострома: Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского «Щелыково», 2003. С. 214–235.

Купцова О. Н. Роли Геннадия Несчастливцева: Шекспир, Шиллер, Сервантес // Памяти Анны Ивановны Журавлёвой. Сборник статей. М.: Три квадрата, 2012. С. 443–463.

Лебедев Ю. В. Православная традиция в русской литературе XIX века. Сб. науч. статей. Кострома: Костромской государственный университет, 2010. 428 с.

Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX века). Л.: Наука, 1983. 269 с.

Миловзорова М. А. Пьесы А. Н. Островского и Дюма-сына: структурно-типологический аспект // Щелыковские чтения. А. Н. Островский в современном мире. Кострома: Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского «Щелыково», 2003. С. 235–244.

Мосалева Г. В. Непрочитанный А. Н. Островский: поэт иконной России. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 295 с.

Фомичев С. А. «Горе от ума» в наследии Островского // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 7–27.

Хромова И. А. Интерпретационный потенциал заглавия комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2021. С. 249–253.

References

Andreeva, V. G. *O natsional'nom svoebrazii russkogo romana второй половины XIX века* [On National Specificity of Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016. 492 p. (In Russ.)

Grishunin, A. L. "A. N. Ostrovskii i A. S. Griboedov" ["A. N. Ostrovskii and A. S. Griboedov"]. *Nasledie Ostrovskogo i sovetskaia kul'tura* [Ostrovsky's Heritage and the Soviet Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 77–92. (In Russ.)

Zhuravleva, A. I. "‘Pravda — khorosho, a schast'e luchshe.’" ["‘Truth is Good, but Happiness is Better.’"]. *Literatura v shkole*, no. 3, 1998, pp. 12–18. (In Russ.)

Ermolaeva, N. L. "A. N. Ostrovskii i I. A. Goncharov" ["A. N. Ostrovskii and I. A. Goncharov"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*, no. 1, 2014, pp. 27–31. (In Russ.)

Ermolaeva, N. L. "Goncharov Ivan Aleksandrovich" ["Goncharov Ivan Aleksandrovich"]. *A. N. Ostrovskii: Entsiklopediia* [A. N. Ostrovskii: Encyclopedia], ed. by I. A. Ovchinina. Kostroma, Kostromaizdat Publ., Shuia, Shuia State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 110–112. (In Russ.)

Ermolaeva, N. L. "Peterburg, Moskva, provintsiiia v tvorchestve A. N. Ostrovskogo i I. A. Goncharova" ["Saint-Petersburg, Moscow, Province in the Creative Work of I. A. Goncharov and A. N. Ostrovsky"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 2, 2019, pp. 144–173. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-2-144-173> (In Russ.)

Kapustin, N. V. "Nesluchainaia sluchainost' v komedii A. N. Ostrovskogo ‘Pravda — khorosho, a schast'e luchshe.’" ["About Non-random Chance in the Comedy of A. N. Ostrovsky ‘Truth is Good, but Happiness is Better.’"]. *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 20–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-20-25>

Kuptsova, O. N. "‘V chuzhomu piru pokhmel'e’ A. N. Ostrovskogo i traditsiia ‘komedii vospitaniia.’" ["‘Hungover in Someone else's Feast’ by A. N. Ostrovsky and the Tradition of ‘The Comedy of Education.’"]. *A. N. Ostrovskii. Materialy i issledovaniia. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3* [A. N. Ostrovskii. Materials and Research. Collection of Scientific Papers. Issue 3]. Shuia, Shuia State Pedagogical University Publ., 2010, pp. 94–107. (In Russ.)

Kuptsova, O. N. "Eshche raz ob Ostrovskom i Diukanzhe" [One More Time about A. N. Ostrovsky and Diukanzh]. *Shchelykovskie chteniia. Tvorcheskoe nasledie A. N. Ostrovskogo: bytie vo vremeni. Sbornik statei* [Readings at Shchelykovo. Creative Heritage of A. N. Ostrovsky in the Course of Time. Collection of Articles]. Kostroma, State

Memorial and Natural Museum-Reserve of A. N. Ostrovsky "Shchelykovo Publ.", 2004, pp. 145–158. (In Russ.)

Kuptsova, O. N. "'Puchina': 'Semnadsat' let, ili zhizn' semeinogo cheloveka' (melodrama v IV deistviakh)" ["'The Deep': 'Seventeen Years or the Life of a Family Man' (Melodrama in 4 Acts)"]. *Shchelykovskie chteniia. A. N. Ostrovskii v sovremennom mire. Sbornik statei* [Readings at Shchelykovo. A. N. Ostrovsky in the Modern World. Collection of Articles]. Kostroma, State Memorial and Natural Museum-Reserve of A. N. Ostrovsky "Shchelykovo" Publ., 2003, pp. 214–235. (In Russ.)

Kuptsova, O. N. "Roli Gennadiia Neschastlivtseva: Shekspir, Shiller, Servantes" ["The Roles of Gennadii Neschastlivtsev: Shakespeare, Shiller, Cervantes"]. *Pamiati Anny Ivanovny Zhuravlevoi. Sbornik statei* [In Memoriam of Anna Ivanovna Zhuravleva. Collection of Articles]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2012, pp. 443–463. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. *Pravoslavnaia traditsiia v russkoi literature XIX veka* [Orthodox Tradition in the Russian Literature of the 19th Century]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2010. 428 p. (In Russ.)

Meshcheriakov, V. P. A. S. Griboedov. *Literaturnoe okruzhenie i vospriatie* (XIX — nachalo XX veka) [A. S. Griboedov. Literary Surroundings and Perception (19th — early 20th century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 269 p. (In Russ.)

Milovzorova, M. A. "Pësy A. N. Ostrovskogo i Diuma-syna: strukturno-tipologicheskii aspekt" ["The Plays of A. N. Ostrovsky and Dumas fils: A Structural and Typological Aspect"]. *Shchelykovskie chteniia. A. N. Ostrovskii v sovremennom mire. Sbornik statei* [Readings at Shchelykovo. A. N. Ostrovsky in the Modern World. Collection of Articles]. Kostroma, State Memorial and Natural Museum-Reserve of A. N. Ostrovsky "Shchelykovo" Publ., 2003, pp. 235–244. (In Russ.)

Mosaleva, G. V. *Neprochitannyi A. N. Ostrovskii: poet ikonnoi Rossii* [The Unread A. N. Ostrovsky: The Poet of the Icon-Russia]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2014. 295 p. (In Russ.)

Fomichev, S. A. "'Gore ot uma' v nasledii Ostrovskogo" ["'Woe from Wit' in Ostrovsky's Heritage"]. *A. N. Ostrovskii i literaturno-teatral'noe dvizhenie XIX–XX vekov* [A. N. Ostrovsky and the Literary and Theatre Movement of the 19th–20th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 7–27. (In Russ.)

Khromova, I. A. "Interpretatsionnyi potentsial zaglaviia komedii A. N. Ostrovskogo 'Pravda — khorosho, a schast'e luchshe'" ["The Interpretational Potential of the Title of the Ostrovsky's Comedy 'Truth is Good, but Happiness is Better.'"]. *Lingvokul'turnye universalii v mirovom prostranstve*. [Linguocultural Universals in the World Space]. Voronezh, Voronezh State Technical University Publ., 2021, pp. 249–253. (In Russ.)